

ИЗВЕСТИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЙ
СЛАВЯНСКОЙ

АКАДЕМИИ

ОБРАЗОВАНИЯ

ИМ. Я.А. КОММЕНСКОГО

Репозиторий БарГУ

4/2006

Е. И. Белая

**ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ГУМАНИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ
(на примере изучения отечественной литературы)**

In the article is proved the assumption that research of humanistic features of the national character embodied in literary works, creates preconditions for self-identification of schoolboys. The research increases the action of models' archetypes of nonviolent behaviour.

«В течение краткой продолжительности жизни человека воздействующие мотивы не могут задевать достаточно глубоко, чтобы стереть запечатлевшиеся черты многих тысячелетий» [5, с. 268]. Человек становится человеком благодаря способности использовать прошлый опыт.

Тем не менее, приобщение к сознательным нормам, умение уравнивать собственные желания и желания других людей не даны от рождения. Это активизирует роль школы в решении такой проблемы, как превенция агрессии, что актуально для современной педагогической науки. Когда человек, усваивая имеющуюся в обществе отрицательную модель, начинает ей внутренне соответствовать, педагогике остается попытаться воздействовать на внутренние импульсы человека, а через это, пусть пока опосредованно, – и на глобальные процессы [3, с.225].

Из всех учебных предметов наиболее тесно сопряжена с внутренним миром ребенка

отечественная литература. Она содержит социальную информацию, которая может выступать как средство уменьшения вероятности и силы проявления агрессии. Облеченная в художественную форму, такая информация воздействует на личность еще более плодотворно. Урок литературы дает возможность познания исторического времени в форме общения с психологией, мировоззрением, стилем поведения и мнением конкретного человека. Этому служат образы-архетипы и типические образы.

Архетип – это общечеловеческий образ, который бессознательно передается из поколения в поколение. «Архетипическая матрица» (К. Юнг) – «осадок» повторяющихся жизненных ситуаций, задач и переживаний человека. Под воздействием проблемной, кризисной ситуации личной или социальной жизни происходит оживление и воплощение соответствующего архетипа. Причем несколько основных (архетипических) тем и персонажей выделяются в течение тысячелетий. Они

приобретают определенные внешние формы, соединяют в себе характеристики различных времен, но отражают одни и те же вечные проблемы человеческого и социального существования». Так, в белорусском фольклоре сильные всегда добрые, иначе бы жизнь была дисгармоничной.

Но воссозданный архетип всегда наполняется новым, современным содержанием.

Мир чувств детей полярен. «Нужно подождать с двусмысленностями до тех пор, пока на основе положительной идентификации не возникнет относительно прочная личность. Лишь при этом условии ребенок оказывается в состоянии понять, что люди существенно отличаются друг от друга и поэтому необходимо решать, на кого ему хотелось бы быть похожим. Это основополагающее решение, определяющее собой все последующее развитие личности, облегчается с помощью поляризации добра и зла в сказке» (Бруно Беттельгейм) [3, с. 188].

Чем младше дети, тем сильнее они вынуждены компенсировать недостаток своей силы в фантазиях. Этим объясняется привлекательность не только больших и сильных героев, но и умных и находчивых, которым удается, вопреки физическому превосходству противника, выйти победителями из конфликтной ситуации.

Детство характеризуется бессознательным распределением мира на добро и зло, которое преодолевается в процессе развития ребенка. На смену такому примитивному распределению придет широта переживаний, знание обо всех оттенках в смешении добра и зла. Вместе с этим возрастают реальные и экзистенциальные требования к ребенку, что развивает его личность, превращает его во взрослого человека. Сопричастность магическим силам супергероев и суперзлодеев помогает укрощать собственные глубинные аффекты при столкновении добра и зла. Позднее, в юношеском возрасте, эта задача будет решаться иначе: подбадривающее и одновременно строгое воспитание выводит на передний план не размышления над сказкой, а другие виды деятельности (например, дискуссию с группой ровесников) [3, с. 190].

Чем менее человек готов к конфронтации с фантазируемым насилием, тем с большей вероятностью это насилие прорвется в реальные взаимоотношения. «Наблюдение моделей неагрессивного поведения может способствовать снижению уровня агрессии» [2, с. 616]. Позволим себе перенести этот тезис в сферу действительности, созданной по эстетическим законам, – художественной литературы. Процесс литературного образования по сути своей есть процесс формирования гуманистического сознания на основе освоения общечеловеческого содержания художественных произведений. В каждой национальной литературе общечеловеческое преломляется через призму конкретно-национального. Это обусловило наш интерес к феномену национального характера, воплощенному в классических произведениях отечественной литературы.

Современные ученые предприняли попытку представить обобщенный портрет европейских народов [7]. Место белорусского народа – среди остийцев. Это представители многих народов Восточной Европы. Их характеризуют отсутствие четко выраженных привязанностей, твердо сформировавшихся чувств, неумение владеть собой, склонность поддаваться соблазнам, любовь к однообразию. Нередко имеет место отсутствие острой мысли, ненадежность в делах и предприятиях, любовь к чиновничьим должностям, бюрократии. Остийцы избегают фанатизма, в жизни – реалисты. По взглядам – демократы; как правило, вступают в партию большинства. Часто для них высшая цель – достижение личного и семейного счастья. В жизни бережливые и предусмотрительные. В искусстве любят теплоту и мягкость линий. На зрителя их творения действуют успокаивающе.

В характере белорусов отдельные из вышеперечисленных черт проявляются в разной степени. В целом белорусы – «народ с миролюбивой и творческой парадигмой души» (В. Яковенко).

Каждая национальная культура вырабатывает некую сверхценность: у американцев – это успех, у европейцев – устойчивость жизни, у русских – эмоция. Такой сверхценностью для белорусов является толерантность. Опре-

деляя ее как внутреннюю психологическую черту личности, мы атрибутируем ей такие признаки, как обостренное чувство социальной справедливости, эмпатию, милосердие, неприятие агрессивности, воинствующего фанатизма, компромиссность в решении конфликтных ситуаций (С.А. Шавель). Толерантность – плод личного и исторического опыта, пережитого и прочувствованного. Белорусский народ выстрадал эту ценность и имеет право рассчитывать на взаимопонимание.

В аспекте данного исследования для нас представляет интерес концепция «территориального императива» (Р. Ардри, Д. Моррис), согласно которой, обладание строго фиксированным жизненным пространством есть основа стабильности и процветания общества, а детерриторизация – причина всех жизненных невзгод [6, с. 90]. Отношение к вышеуказанной концепции в научных кругах неоднозначно, однако факт ее существования подвигает выяснить, какая часть повседневного поведения этноса связана с эволюционным прошлым и подтверждена его влиянию.

Ряд современных ученых (М. Пассер, С. Барски, Б. Шварц) выдвигает и анализирует понятия первичной и вторичной территории. Первичная – область, принадлежащая и используемая исключительно первичной группой (в нашем случае – этносом), где она чувствует себя в большей безопасности, доброжелательно настроена, менее скована, а также склонна защищать свое пространство от какого бы то ни было нежелательного вторжения извне. Этого не скажешь о вторичной территории.

«История ... привязывает ... поколения и народности к их родине и родным обычаям, делает их более оседлыми и удерживает от стремления искать счастья на чужбине и бороться за него с другими... По временам кажется даже, что только упрямство и неразумие могут как бы пригвоздить отдельную личность к этому обществу, к этой обстановке, ... к этим голым утесам; но в действительности это – спасительное и в высшей степени полезное с точки зрения интересов общества неразумие, как это хорошо известно каждому, кто ясно представляет себе ужасные последствия страсти к переселениям, в особенности когда

она овладевает целыми группами народов, или кто наблюдал вблизи состояние народа, потерявшего преданность своему прошлому и ставшего жертвой неумолимых космополитических поисков новых форм. Противоположное этому чувство, чувство благополучия дерева, пустившего прочные корни, счастье, связанное с сознанием, что твое существование не есть дело случайности и произвола, но есть наследство, цвет и плод известного прошлого, ... – вот что теперь предпочитают называть истинным историческим чувством» [5, с. 175–176], которое у белорусов характеризуется отсутствием агрессивности.

Приведение столь обширного высказывания обусловлено тем, что оно как нельзя лучше отражает особенность ментальности белорусского этноса. Однако геополитическая ситуация редко соответствовала его витальным интересам. Достаточно обратиться к истории лишь одного XX века: первая мировая война, революция, гражданская война, коллективизация, эшелоны в Сибирь, борьба с врагами народа, и опять же эшелоны в Сибирь, освободительный поход Красной Армии в Западную Белоруссию и эшелоны в Сибирь, вторая мировая война, сорокалетняя передышка и – Чернобыль.

Язык цифр скуп, но по-своему красноречив. Так, статистика свидетельствует, что в годы первой мировой войны количество беженцев с территории Беларуси в России составило 1 474 444 человека. Это 54% от общей численности. 90% этой массы составляли крестьяне, 10% – рабочие, православное духовенство и служащие. Сельский люд в то время очень сильно держался своей малой родины, и, чтобы его сдвинуть и переместить, нужны были титанические усилия, осуществленные правительством царской России с той целью, чтобы применить тактику «выжженной земли», заимствованную из опыта войны с Наполеоном. Правда, средства для этого были применены вполне современные, например, «черный пиар». Пропагандисты той эпохи – «агенты влияния» – распространяли в регионах Беларуси лживую информацию о необычайных зверствах немцев в зоне оккупации. Людей охватила паника. Вывод был

один: чтобы выжить – надо убежать на восток, осваивать «вторичную территорию».

Таким образом, налицо исторический факт проявления такого рода оборонительной агрессии, как бегство в ситуации угрозы жизни, здоровью, свободе и собственности. В данном случае агрессия была спровоцирована чуждой политической машиной, преследующей цели, далекие от целей конкретной социальной группы, проживающей на первичной территории и обладающей таким качеством, как «внедренность сознания». Именно это качество, а также сущностное неприятие агрессии революционного террора, разгула гражданской войны побуждали беженцев к возвращению на родину, хоть Россия и казалась – по мнению очевидцев – более богатой, чем Беларусь. Налаживать жизнь в разрушенном войной регионе было непросто, тем более что уроженцы Западной Белоруссии покидали, уезжая, царскую Россию, а вернулись в помещичью Польшу. Им пришлось, как и 6–7 лет тому назад в России, опять все начинать с нуля. Восстановление потерянного скромного имущества потребовало почти 20 лет.

Возвращаясь к вышесказанному, следует отметить, что белорусы проявили «неразумность», «спасительную и полезную для их национальных судеб», в отличие от космополитической тяги к поискам новых форм. В белорусской ментальности нет страсти к переселениям и, вынуждаемые к этому чужой волей, «инструментальной агрессией политических и военных элитарных групп» [8, с. 378], наш народ так и не смог найти счастья на чужбине, а тем более не стремился отвоевывать его у других. Место белорусского народа скорее среди тех народов, кто охраняет и почитает прошлое, кто с верностью и любовью обращает свой взор туда, откуда он появился, где он стал тем, что он есть» [1, с. 170].

Таким образом, наши предшественники сознательно или бессознательно ощущали, что переселение является нарушением генетического кода, результатом чего может являться даже физическая смерть.

Красноречивые факты применения тактики «выжженной земли» в России в период Великой Отечественной войны, которые

открылись накануне очередной годовщины битвы под Москвой [9], подчеркивают общность судеб наших народов перед угрозой их витальным интересам. Так, рассекреченный приказ Ставки Верховного Главнокомандования гласил: «Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края... Бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы... При вынужденном отходе наших частей... обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты».

Уфимский историк Наиль Шаяхметов выяснил, как выполнялось это указание Сталина, проанализировав в Центральном архиве Министерства обороны РФ ряд документов. Приведем некоторые выдержки из «Плана выполнения приказа Северо-Западного фронта № 0312»: «Начальнику артиллерии армии огнем 152-мм батарей сжечь населенные пункты: Дунаевщина, Бураково, Осинушка, Есипово, Корзово, Ореховно, Клин... Командующему ВВС сжечь населенные пункты в районах: 1. Батолино, Твердово, Березник; 2. Молвотицы, Перхово, Шепелево, Кулатино; 3. Моисеево, Заворонье, Ивахново, Линье». На все давалось десять дней – с 21 ноября по 1 декабря. Причем во фронтовых условиях уже ничего не упоминалось об «обычно выселяемом» мирном населении. Н. Шаяхметов на основании архивных документов утверждает, что Красная Армия прибегала к чрезвычайным мерам и до сталинского приказа. В журнале боевых действий одной из частей, во всяком случае за месяц до него, упоминаются уничтоженные немецкие солдаты, техника, но ни разу не говорится о жертвах среди мирного населения. В рамках этой кампании отряд, в состав которого входила знаменитая Зоя Космодемьянская, имел длинный список подлежащих сожжению сел.

Безусловно, появление таких исторических документов имеет драматический подтекст. Жесткость и даже жестокость мер может быть оправдана объективно. Но никакая безликая статистика не способна заслонить

трагедии конкретного человека в условиях детерриторизации, угрозы свободе и жизни. Вопрос о жертвах мирного населения в результате действий собственной армии для государства болезнен, посему непопулярен. Но какой бы горькой ни была правда, общество имеет право ее знать, иначе история Великой Отечественной войны будет неполной.

Целесообразное использование подобного рода информации (которая может быть воплощена в художественной форме) в образовательном процессе стимулирует критическое мышление школьников, рефлексивную деятельность, убеждает в приоритете такой общечеловеческой ценности, как мир, ибо в войне, по большому счету, нет победителей, а между понятиями «герой» и «заложник» бывает очень трудно установить грань.

Д. Карнеги утверждает: «Каждая нация считает себя выше других наций. Это порождает патриотизм... и войны» [4]. Беларусь же ни разу не фигурировала на мировой арене как агрессор. Обыденное сознание белорусов зафиксировало это в форме речевого оборота «лишь бы не было войны». Тем не менее, Беларусь часто являлась ареной столкновения политических интересов других государств.

Определяющий витальный процесс для человека – социального субъекта – это сохранение своей системы координат, ценностной ориентации, от которой в конечном итоге зависит осознание себя как личности. «Если человек обнаруживает идеи, которые ставят под сомнение его собственные ценностные ориентации, то воспринимает их как угрозу своим жизненно важным интересам. Он отвергнет эти идеи...» [8, с. 372].

Постоянная экспансия со стороны порубежных государств ставит под сомнение возможность сохранения этносом ценностей, определяющих весь процесс его жизнедеятельности. Поэтому время от времени возникают такие ситуации, когда невозможно обойтись без управляемой агрессивности высокого уровня, например, когда необходимо с оружием в руках встать на защиту Родины. Именно энергия агрессии питает смелость и отвагу, дерзость и самоотверженность, способность рисковать, проявлять находчивость

в экстремальных условиях. Совершенно очевидно, что агрессия в данном случае играет важную роль в сохранении и развитии жизни, а значит, она не является исключительно деструктивным, негативным феноменом.

Цель оборонительной агрессии – не в разрушении, а в сохранении жизни, и она, таким образом, функционирует как фактор биологической адаптации.

Агрессию может вызвать любое покушение на объект почитания. В Беларуси всегда актуальной была и остается проблема конфессий. И Польшей, и царской Россией активно проводилась ассимиляторская политика. Требовалось сменить веру, что давалось особенно тяжело. Энергия агрессивности в таких случаях направляется на «самосохранение человеком духовной автономии», и в этом ее позитивный аспект. История введения христианства, затем униатства на белорусских землях содержит ряд проявлений агрессии представителей обеих сторон конфликта, которые были равным образом убеждены, что такая «модель поведения избрана с целью восстановить социальную справедливость, и эта цель может затмить одну из важнейших побудительных причин агрессивных действий» [2, с. 613].

Необходимо отметить и такую, важную для целей данного исследования, черту белорусского национального характера, как чувство юмора. Юмор и вызываемый им смех несовместимы с открытой агрессией, так как невозможно сочетать два противоположных качества, например, восторг и депрессию. Агрессивность считается одним из самых действенных приемов вытеснения страха. В течение тысячелетий человек был животным, в высшей степени доступным страху, и все внезапное, неожиданное заставляло его быть готовым к борьбе и, не исключено, – к смерти.

Область витальных интересов человека как социального субъекта, бесспорно, более обширна, чем у животных. Это все то, что обуславливает не только телесный, но и психический комфорт, который, как правило, зиждется на ожидаемом, прогнозируемом, привычном в мнении и деятельности. Тем не менее, внезапное и неожиданное перманентно врывается как в социальную, так и в частную

жизнь индивида, но если оно не несет с собой опасности и вреда, то человек переходит в состояние, противоположное страху.

«Съезжившееся, трепещущее от страха существо расправляется, широко раздвигается – человек смеется. Этот переход от мгновенного страха к краткому веселью зовется комическим. Напротив, в феномене трагического человек от большого, длительного веселья переходит к великому страху. Но так как среди смертных великое длительное веселье встречается гораздо реже, чем повод к страху, то на свете гораздо больше комического, чем трагического; смеяться приходится гораздо чаще, чем испытывать потрясение» [5, с. 336].

Поскольку юмор и смех выступают как действенное средство противостояния агрессии, снижения ее уровня, развитие и стимулирование этих элементов эмоциональной сферы личности – составляющих гуманистического сознания – представляется нам необходимым.

Размышляя над концепцией национальной истории, автор приходит к выводам, которые хоть и не могут претендовать на роль научных открытий, но способны стимулировать интерес к исследованию отдельных сторон этнопсихологии белорусов. Так, в белорусском языке нет слов, которые бы точно соответствовали словам русского языка «скука» и «трудолюбие». Первая позиция позволяет допустить предположение о том, что особенности исторического пути белорусов не оставляли возможности для состояния физического и духовного бездействия, каким нам представляется феномен, атрибутированный словом «скука».

По второй позиции мы склонны считать, что номинация «трудолюбие» предполагает альтернативу: реализация или нереализация данного качества в житейской действительности. В белорусском языке существует только калька с русского – «працалюбства». Белорусское же слово «працавітасць» (праца – труд) не имеет корня -люб-, что позволяет нам допустить следующее: труд для белоруса – перманентное объективное, исторически обусловленное состояние, не зависящее от субъективных мотивов и желаний. Он выступает как определяющий фактор преодоления

разрушительных последствий таких форм социальной агрессии, какими являются войны. Белорусы на протяжении своего исторического пути «выживали, стараясь сохранить совесть и достоинство» (А. Дударев).

Анализируя данные явления, автор менее всего желает выступить в качестве апологета превосходства белорусской нации над кем бы то ни было. Отмечая ряд черт белорусской ментальности и характеризуя в целом сознание народа как гуманистическое, мы, однако, далеки от идеализации своих соотечественников. Жизненная необходимость поддержания сложного равновесия, баланса разнохарактерных и разнонаправленных сил и влияний послужили основой толерантности белорусов как мировоззрения и своеобразной философии жизни. В своем чистом, классическом значении толерантность есть, безусловно, философия демократизма. И в процессе исторического развития белорусов она выявляла как свои сильные, так и слабые стороны (Г. Праневич). Это прекрасное человеческое и национальное качество может превратиться в свою противоположность, а мягкотелость и попустительство могут в определенных условиях принести не меньше вреда, чем деструктивные устремления.

Учитывая вышеуказанное, необходимо в процессе анализа программных произведений стремиться к созданию «критического образа» белоруса, а также апеллировать к тем художественным образам, которые олицетворяют амбивалентность национального характера, диалектику его полярных черт, таких как твердость и мягкость, податливость и молчаливое упрямство, терпеливость и отчаянный, героический радикализм. Яркими примерами могут здесь быть герои произведений классиков белорусской литературы Я. Купалы, Я. Коласа, В. Быкова, И. Мележа, В. Короткевича. Заинтересованное исследование данного феномена позволит молодым белорусам отчетливо увидеть грань, которая отделяет традиционную толерантность от соглашательства и измены, убедиться, что один и тот же психофизический феномен может проявляться диаметрально противоположно. В условиях, когда избежать позора или краха невозможно,

когда речь идет о сохранении достоинства, самосохранении вообще, защите ближнего от насилия, белорус обретает способность переступить через пресловутую толерантность, и критерии оценки такой агрессивности также диаметрально меняются.

Таким образом, все вышеизложенное дает основания для следующих выводов: формирование гуманистического сознания школьников – актуальная социально-педагогическая задача, решению которой может способствовать исследование феномена национального характера как эстетического явления, воплощенного в классических произведениях отечественной литературы посредством художественных образов разных типов. Знание основных черт национального характера, диалектики конкретно-национального и общечеловеческого, сформированность эмоционально-ценностного к ним отношения, воссоздание школьниками адекватных образцов поведения в процессе учебной, исследовательской, творческой деятельности обеспечивают действие модели гуманистического сознания в единстве всех ее структурных компонентов: когнитивного, аффективного, конативного.

Литература

1. Белая Е.И. Историческое сознание народа по Ницше и Короткевичу: опыт типологии: Кулешовские чтения. Матер. Междунар. научн. конф., 11–12 декабря 2003 г.: Тезисы

докладов. В 2-х ч.– Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. Ч. 2. – 356 с.

2. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия // Психология человеческой агрессивности: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко.– Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. – С. 446–654.

3. Бютнер К. Насилие в фантазиях // Психология человеческой агрессивности: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко.– Минск.: Харвест; М.: АСТ, 2001. – С. 169–228.

4. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей / Пер. с англ. Ю.В. Семенова.– Рига: Ком. центр. журн. Латвии, 1990.– 190 с.

5. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Литературные памятники / Сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна / Пер. с нем.– М.: Мысль, 1990. – 829 с.

6. Румянцева Т. Факторы, способствующие агрессии // Психология человеческой агрессивности: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко.– Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 64–115.

7. Сухарев В.А., Сухарев М.В. Европейцы и американцы глазами психолога.– Минск: Беларусь, 2000.– 366 с.

8. Фромм Э. Типы агрессии // Психология человеческой агрессивности: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко.– Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001.– С. 354–428.

9. Сабитов И. Земля горела под ногами... – Труд-7. – 4 января 2003 г. – С. 9.